

СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА,

СЕДЬМОЙ, ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ТОМЪ. ИЗДАНИЕ П. В.

АННЕНКОВА. С. ПЕТЕРБУРГЪ 1857 г.

Вышедшимъ теперь въ свѣтъ седьмымъ томомъ сочиненій Пушкина оканчивается изданіе произведеній поэта, предпринятое П. В. Анненковымъ. Въ этомъ томѣ издатель предлагаетъ публикѣ все, что возможно представить ей печатно въ настоящее время. Задача изданія классическаго писателя состоитъ, какъ замѣчаетъ П. В. Анненковъ, въ томъ, чтобы не быть ниже потребностей и возможностей современности, и почтенный издатель въ этомъ отношеніи совершенно выполнилъ свою задачу. Онъ признаетъ, что читатель можетъ еще встрѣтиться съ посланіемъ, экспромптомъ или стихотворной запиской поэта, тщательно сбереженными отъ извѣстности и не вошедшими въ томы изданія; но, убѣжденный, что успѣхъ попытки — собрать весь текстъ Пушкина, еще долго останется у насъ болѣе чѣмъ сомнителенъ, издатель приступилъ къ печатанію въ седьмомъ томѣ по крайней мѣрѣ всего того, чѣмъ возможно было пополнить собраніе сочиненій Пушкина въ настоящее время. Этотъ дополнительный томъ заключаетъ въ себѣ двѣ части: часть стихотворную и часть прозаическую. Каждая изъ нихъ подраздѣляется на различные отдѣлы, по содержанію заключающихся въ нихъ статей.

Читатель встрѣтитъ въ седьмомъ томѣ произведенія и строки Пушкина, еще не являвшіяся въ печати, или же остававшіяся до сей поры разсѣянными въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, и нерѣдко въ такихъ, отыскать которыя было бы весьма тру-

дно, а для большинства читателей и невозможно. Для послѣднихъ VII томъ Пушкина будетъ истинною новостью, драгоценнымъ и неожиданнымъ подаркомъ. Они услышатъ звуки, отъ которыхъ давно отвыкли среди полезной, дѣльной и дѣловой литературы нашихъ дней. Теперь уже можно встрѣтить людей, сроднившихся съ направлениемъ, господствующимъ въ послѣдней, — людей, которые, увлекаясь ея дѣловымъ характеромъ, уже начинаютъ, если не свысока, то подозрительно, поглядывать на поэзію Пушкина, или же говорятъ о ней съ полуснисходительною и полугрустною улыбкою, какъ говорятъ люди зрѣлаго возраста объ увлеченіяхъ своей юности. Въ наше время не рѣдкость уже и рѣшительные люди, громко обвиняющіе поэта за его *исключительно-художественныя* стремленія, за его отвлеченныя понятія объ искусствѣ и призваніи поэта. Къ подобнымъ мнѣніямъ и настроенію читателей подаль поводъ отчасти самъ Пушкинъ такими стихотвореніями, каковы, на примѣръ, «Чернь» и «Съ толпой не дѣлишь ты ни гнѣва». Но стихотворенія такого рода были вызваны тупостью современнаго суда надъ поэтомъ, досадою послѣдняго на кривыя или нелѣпыя толкованія его произведеній. Презрѣніе къ толкамъ, сужденіямъ, требованіямъ критики и публики невольно развивалось въ немъ, когда онъ напрасно ждалъ отъ послѣднихъ пониманія и ободренія своей дѣятельности. Извѣстно, что теорія чистаго и независимаго искусства, творчества про себя, съ особенною силою начала развиваться въ Пушкинѣ съ того времени, какъ критика, публика и даже нѣкоторые изъ близкихъ ему людей привѣтствовали однимъ недоумѣніемъ первую напечатанную поэтомъ (въ 1827 г.) сцену изъ Бориса Годунова, — произведенія, которое было такъ дорого сердцу Пушкина, которое стоило ему столько труда и изученія историческаго и филологическаго. Холодность и недоумѣніе, встрѣтившія этотъ трудъ, которымъ поэтъ мечталъ основать національную драму, горько отозвались въ душѣ его. Они заставили его даже усомниться, хоть и не надолго, въ достоинствѣ собственнаго творчества. Неуспѣхъ Бориса Годунова принудилъ поэта заключиться въ самомъ себѣ. Въ матеріалахъ для біографіи его, изданныхъ П. В. Анненковымъ, есть строки, въ которыхъ Пушкинъ говоритъ о критикѣ и публикѣ: «съ этой минуты ихъ

строгость или равнодушіе уже не могутъ имѣть вліянія на трудъ мой.» Поэтъ болѣе и болѣе убѣждался въ истинѣ теоріи, по которой искусство и художникъ должны быть независимы отъ требованій современности и толпы. Такая теорія утѣшала Пушкина и поддерживала въ немъ бодрость среди неудачъ; но возможно ли было практическое примѣненіе ея для поэта, страстнаго и воспріимчиваго ко всѣмъ впечатлѣніямъ дѣйствительности и той среды, въ которой онъ жилъ? Въ лирическихъ произведеніяхъ Пушкина мы встрѣчаемся не только съ поэтическимъ выраженіемъ фактовъ его личной жизни, его индивидуальных ощущеній и помысловъ, но и съ отзывами поэта на многія значительныя явленія общественной и государственной жизни его времени. Прошедшее и настоящее, исторія и будущее русскаго народа, занимали мысль и сердце Пушкина; имъ была посвящена дѣятельная любовь его. Пусть обвиняющіе Пушкина и его поэзію въ идеально-художественныхъ, отвлеченныхъ стремленіяхъ, вспомнятъ, какъ онъ изучалъ исторію своего народа, читалъ русскихъ лѣтописцевъ, знакомился съ народными преданіями и поэзіею, подслушивалъ народную рѣчь изъ устъ самого народа и узнавалъ ее изъ письменныхъ памятниковъ. Свидѣтельство всему этому они найдутъ и въ поэтическихъ созданіяхъ Пушкина и въ прозаическихъ его статьяхъ, замѣткахъ и размышленіяхъ, оставшихся памятникомъ того, какъ серьезно и глубоко вникалъ онъ въ жизнь и природу своей націи. Борисъ Годуновъ, Полтава, Русалка, простонародныя сказки, Капитанская Дочка, Дубровскій, должны убѣдить обвинителей Пушкина, что муза его умѣла поэтически воссоздавать исторію, нравы, возрѣнія и историческія личности русскаго народа. Въ Олѣгинѣ жизнь, нравы, понятія, лица современнаго поэту русскаго общества, представлены съ такою полнотою и яркостью, въ такихъ существенныхъ и характеристическихъ чертахъ, какихъ никогда не достигнутъ писателямъ, представляющимъ отрывочныя, случайныя или мелкія черты дѣйствительности и современности, писателямъ, которые не умѣютъ сообщить имъ ни полноты представленія, ни оживляющихъ красокъ поэтической истины. Въ Онѣгинѣ навсегда сохраняются образы современной поэту дѣйствительности и будутъ живо воскресать въ фантазій и воображеніи позднѣйшихъ

читателей. Бóльшая же часть произведеній современной намъ литературы сохранить въ будущемъ только значеніе записокъ, мемуаровъ, дѣловыхъ документовъ, въ которыхъ изслѣдователь минувшаго будетъ искать матеріала для собственнаго самостоятельнаго труда, если захочетъ возстановить полные и живые образы прошлаго. Еслибы во времена гомерической поэзіи могли существовать какія-нибудь прозаическія записки и описанія тогдашняго быта греческихъ племенъ, то, конечно, эти полезныя произведенія, сохранившись до нашего времени, не сообщили бы намъ того живаго, нагляднаго и полнаго образа греческой древности, какой представляетъ Илиада. Люди, признающіе Пушкина великимъ поэтомъ и, однакожь, обвиняющіе его поэзію въ какомъ-то чисто-художественномъ, отвлеченномъ характерѣ, противорѣчатъ сами себѣ. Нѣтъ такого великаго поэта и художника, созданія и мысль котораго были бы лишены связи съ жизнью, современностью и явленіями окружающей его среды. Вспомните, что мысль Ревизора и Мертвыхъ душъ, по свидѣтельству самого Гоголя, были внушены послѣднему Пушкинымъ: а кто не понимаетъ общественнаго и практическаго значенія этихъ произведеній? Прибавимъ еще, что составлять понятія о личности и мнѣніяхъ поэта на основаніи отдѣльныхъ лирическихъ его произведеній, упуская изъ виду отношеніе ихъ къ минутѣ и поводу созданія, не всегда справедливо. Въ какомъ человѣкѣ, въ какомъ характерѣ не встрѣчается минутныхъ противорѣчій, или уклоненія отъ главныхъ, твердыхъ, основныхъ чертъ характера и личности? Эти противорѣчія и минуты остаются тайною человѣка, исчезаютъ безъ слѣда; онъ признается въ нихъ развѣ только въ бесѣдѣ съ самимъ собою. Но, какъ тотъ же самый человѣкъ неумолимъ къ поэту, который оставитъ по себѣ поэтическій памятникъ минутнаго настроенія, мгновенной душевной усталости или односторонняго, исключительнаго стремленія, какому порой покорна всякая живая душа! А между тѣмъ выраженіе минутнаго настроенія, во всей его индивидуальной истинѣ, есть одно изъ правъ лирическаго поэта. Безъ этого права, лирическія стихотворенія часто представляли бы только отвлеченныя мысли, общія истины и, при неукоризненной правдѣ содержанія, могли бы лишиться искренняго тона поэзіи.

Въ первомъ отдѣлѣ поэтической части седьмага тома Пушкина есть стихотвореніе «изъ VI Пиндемонте». Оно представляетъ богатую тему для обвиненій противъ Пушкина; въ немъ поэтъ легкомысленно и добровольно отрывается отъ правъ и обязанностей гражданина, цѣня только права личной независимости и наслажденій искусствомъ и природою. Геніальный и образованнѣйшій изъ русскихъ поэтовъ говоритъ между прочимъ:

И мало горя мнѣ — свободно ли печать
 Морочить олуховъ, иль чуткая цензура
 Въ журнальныхъ замыслахъ стѣсняетъ балагура.
 Все это, видитель — *слова, слова, слова!*

Писатель, слово котораго такъ много сдѣлало для развитія образованности, чувства прекраснаго, охоты къ чтенію, любви къ искусству въ русскомъ обществѣ, самъ не дорожилъ правами и условіями собственной благой дѣятельности. Скорбный фактъ, но отвергать его нельзя, скажутъ обвинители: улика на лицо — стихотвореніе изъ VI Пиндемонте. Но въ седьмомъ же томѣ есть другія стихотворенія, есть другіе факты, есть между прочимъ два посланія къ Аристарху, въ которыхъ на права слова поэтъ смотритъ совсѣмъ не такъ, какъ въ стихотвореніи изъ Пиндемонте. Напримѣръ, въ одномъ изъ нихъ есть слѣдующіе стихи:

Но цензоръ — гражданинъ, и санъ его — священный!
 Онъ долженъ умъ имѣть прямой и просвѣщенный;
 Онъ сердцемъ почитать привыкъ алтарь и тронъ:
 Но мянѣя не тѣснить и разумъ терпитъ онъ.
 Блюститель тишины, приличія и нравовъ
 Не преступаетъ самъ начертанныхъ уставовъ;
 Закоу преданный, отечество любя,
 Принять отвѣтственность умѣетъ на себя;
 Полезной истинѣ путей не заграждаетъ,
 Живой поэзіи развиться не мѣшаетъ;
 Онъ другъ писателю, предъ знатію не трусливъ,
 Благоразуменъ, твердъ, свободенъ, справедливъ.

Когда поэтъ былъ искреннѣе и вѣрнѣе себѣ, своимъ постояннымъ желаніямъ? Изъ двухъ противорѣчащихъ стихотвореній, какое высказываетъ истину мыслей и сердца его, и въ какомъ

сказалось его капризное настроеніе? Обвинители могутъ думать, что имъ угодно; мы же убѣждены, что Пушкинъ въ посланіи къ Аристарху говорилъ отъ полноты сердца и убѣжденій, что это не могло быть иначе въ великомъ поэтѣ и образованномъ писателѣ. Недаромъ Пушкинъ собственное стихотвореніе: «Не дорого цѣню я громкія права», обозначилъ «изъ VI Пиндемонте» и, какъ знаемъ изъ указація П. В. Анненкова въ его матеріалахъ для біографіи Пушкина, хотѣлъ обозначить изъ Alfred Musset. Пушкинъ, думаемъ мы, понималъ истинный смыслъ мгновенія, выразившагося въ этомъ стихотвореніи. По духу своему, послѣднее было родственно откровенно-капризной поэзіи Альфреда Мюссе. Стихотвореніе изъ Пиндемонте было написано въ 1836 году; но въ томъ же году была написана Пушкинымъ и статья противъ мнѣній М. А. Лобачева, грозныхъ для русской литературы и стѣснительныхъ для правъ слова. Читатели найдутъ эту статью въ прозаической части седьмага тома.

Большая часть стихотвореній Пушкина была внушена ему событіями и отношеніями жизни, впечатлѣніями дѣйствительности и невымышленнымъ душевнымъ настроеніемъ поэта. Близкая связь поэзіи Пушкина съ дѣйствительнымъ ходомъ жизни существовала, какъ замѣтилъ его біографъ, даже при созданіи антологическихъ стихотвореній и другихъ, такого содержанія, при которомъ трудно бы предполагать ее. Покуда не будетъ положительно извѣстно или объяснено отношеніе тѣхъ произведеній Пушкина, которыя могутъ казаться уклоненіемъ отъ общаго правдиваго и благороднаго смысла его поэзіи, къ поводамъ и вліяніямъ ихъ вызвавшимъ, до тѣхъ поръ рѣшительные приговоры насчетъ ихъ значенія и выразившихся въ нихъ личныхъ качествъ и мнѣній поэта, кажется намъ, будутъ, если не вполнѣ несправедливы, то по крайней мѣрѣ весьма односторонни. Пушкинъ не разъ высказывалъ въ прозѣ и стихахъ нѣкоторое любованіе своими предками и довольно тщательно занимался своею генеалогіею, чѣмъ заставилъ подозрѣвать въ себѣ аристократическія наклонности и мнѣнія. По рожденію своему, по связямъ, по образованію, онъ, конечно, принадлежалъ къ высшему кругу русскаго общества, кругу, среди котораго протекло его дѣтство и совершилось его воспитаніе.

Значительная часть образованнѣйшей русской молодежи, въ исходѣ первой четверти нашего вѣка, принадлежала къ тому же кругу; но русскій аристократизмъ не отличается ни прочностью, ни опредѣленностью характера: онъ носитъ признаки внѣшняго и случайнаго явленія, доступенъ всякимъ вліяніямъ и не огражденъ исключительными понятіями, не ставитъ себѣ строгихъ границъ ни въ практикѣ, ни въ теоріи. Молодые товарищи и современники Пушкина, при разнообразныхъ обстоятельствахъ и положеніяхъ, благопріятныхъ или поучительныхъ, пріобрѣтали съ годами понятія и направленія довольно различныя. Очень естественно, что и въ Пушкинѣ, можетъ-быть, были слѣды того внѣшняго и неопредѣленнаго аристократизма, который едва ли заслуживаетъ это названіе и который съ годами принялъ книжный, теоретическій характеръ и оставался въ жизни поэта довольно безвреднымъ и неприложимымъ. Извѣстно, что уваженіе къ предкамъ развилось въ Пушкинѣ съ особенною силою со времени историческихъ изученій, предшествовавшихъ созданію Бориса Годунова. Археологико-артистическая любовь къ прошедшему не соединялась у него ни съ какою эгоистическою мыслию, ни съ какими требованіями и притязаніями на настоящее во имя прошлаго. Любовь къ предкамъ, уваженіе и интересъ къ минувшему не лишали поэта сочувствія къ достоинству, дѣламъ и заслугамъ лицъ, на какой бы ступени общества ни стояли послѣднія. Пушкинъ даже явно отдѣлялъ уваженіе къ предкамъ и родовымъ преданіямъ отъ современнаго аристократизма и его притязаній.

Я самъ, хоть въ книжкахъ и словесно
Собратья надо мной трунять,
Я мѣщанинъ, какъ вамъ извѣстно,
И въ этомъ смыслѣ демократъ;
Но каюсь, новый Ходаковский (*),
Люблю отъ бабушки московской
Я толки слушать о роднѣ,
О толстобрюхой старинѣ.

Поэтъ иронически отзывался въ своихъ стихахъ о тѣхъ либералахъ, которые презираютъ отцовъ, но гордятся красною

(*) Извѣстный любитель и разыскатель старины.

собственныхъ заслугъ, звѣздою двоюроднаго дяди и приглашеніемъ на балъ, гдѣ не бывалъ ихъ дѣдъ. Читатель встрѣтитъ и въ седьмомъ томѣ, въ извѣстномъ стихотвореніи Пушкина «Моя родословная», между прочими, слѣдующую строфу:

Подъ гербовой моей печатью
 Я свитокъ грамотъ сохранилъ ;
 Я не явшаюсь съ новой знатью
 И крови спѣсъ угомонилъ.
 Я неизвѣстный стихотворецъ ,
 Я Пушкинъ просто—не Мусинъ,
 Я самъ—большой, не царедворецъ :
 Я грамотѣй, я мѣщанинъ !

Мы признаемся, что пристрастіе Пушкина къ предкамъ было бы понятнѣе, еслибы оно имѣло поболѣе основаній въ качествахъ и дѣлахъ самихъ предковъ, чѣмъ въ воображеніи и фантазіи поэта, но все однакожь повторимъ, что аристократизмъ такого рода былъ безвреденъ, не нарушилъ и не стѣснилъ благороднаго духа поэзіи Пушкина, а въ жизни его чѣмъ, какъ онъ проявился? Ясныхъ подробностей на этотъ счетъ мы не знаемъ отъ голословныхъ обвинителей поэта.

Второй отдѣлъ стихотворной части послѣдняго тома Пушкина заключаетъ въ себѣ выпущенныя мѣста изъ его стихотвореній и поэмъ. Здѣсь встрѣчаются довольно любопытныя и довольно важныя дополненія къ извѣстнымъ произведеніямъ Пушкина. Къ такимъ причисляемъ мы сцену изъ Бориса Годунова, являющуюся уже въ періодическихъ изданіяхъ, но только теперь получившую мѣсто въ собраніи сочинсній Пушкина. Сцена эта, исключенная, при изданіи Бориса Годунова, самимъ поэтомъ, по совѣту близкихъ ему людей, по нашему мнѣнію, все нелишняя въ развитіи драмы. Она должна слѣдовать за сценою между лѣтописцемъ Пименомъ и Григоріемъ. Начальные замыслы и смутныя стремленія послѣдняго въ сценѣ «Монастырская ограда» становятся, подъ вліяніемъ соблазнительныхъ словъ злаго чернеца, положительнымъ рѣшеніемъ. Эта сцена необходимос звено, соединяющее первое появленіе Григорія въ качествѣ молодаго чернеца, безпокойнаго и смущаемаго тревожными снами, какимъ онъ является въ разговорѣ съ

Пименомъ, съ его послѣдующимъ появленіемъ въ драмѣ въ качествѣ самозванца.

Въ третьемъ отдѣлѣ стихотворной части изданнаго теперь тома помѣщены, между разными небольшими стихами и отрывками, эпиграммы и такія стихотворенія, которыя имѣли близкое отношеніе къ самой личности поэта. Современемъ, когда біографическія подробности, касающіяся Пушкина, будутъ разъяснены и болѣе извѣстны, чѣмъ теперь, эти стихи получатъ еще больше интереса.

Въ прозаической части седьмага тома, въ первый разъ являются печатно слѣдующія статьи: «Матеріалы для первой главы исторіи Петра Великаго», изъ которыхъ можно ознакомиться съ методою, принятой Пушкинымъ въ приготовительныхъ работахъ для историческаго сочиненія, которое онъ предпринималъ; «Камчатскія дѣла»—статья, въ которой Пушкинъ начпналъ сводъ сказаній о завоеваніи Камчатки, по сочиненію Крашенинникова. Сказанія эти современемъ, вѣроятно, внушили бы поэту художническую картину подвиговъ русскихъ казаковъ и промышленниковъ, характеристическихъ дѣйствій и нравовъ русскихъ людей въ дикой и оригинальной странѣ, подобно тому, какъ изслѣдованія о Пугачевскомъ бунтѣ внушили ему созданіе Капитанской дочки, а изслѣдованія о Петровской эпохѣ—романъ: Арапъ Петра Великаго. Изъ біографической статьи «О Радищевѣ», являющейся впервые на свѣтъ, мы можемъ ознакомиться съ мнѣніями Пушкина о человѣкѣ, въ которомъ, съ точки зрѣнія историческихъ и общественныхъ условій, онъ усматривалъ только примѣръ для поученія. Поучительная сторона явленія закрыла отъ него другую сторону, трагическую. Нельзя сказать, чтобъ это послужило въ пользу живости и ясности біографическаго очерка. Изъ всѣхъ этихъ статей мы видимъ, какой богатый матеріалъ собиралъ Пушкинъ для своей творческой дѣятельности, чего мы могли смѣло ожидать отъ него! Духъ русской націи слѣдилъ онъ во всѣхъ его направленіяхъ, въ разнообразныхъ фактахъ и чертахъ его. Да послужитъ это примѣромъ писателямъ, которые, недолго думавши и безъ труда, узнаютъ его только въ плутняхъ мелкихъ жалкихъ чиновниковъ, въ грязномъ быту самоварниковъ и ихъ безобразной до-

машней челяди, въ чиновныхъ и нечиновныхъ пьянчужкахъ, въ несчастныхъ бродягахъ и въ заспанныхъ или отупѣвшихъ отъ праздности баряхъ и барыняхъ.

Въ отдѣлѣ полемическихъ статей седьмага тома являются произведенія, которыхъ до сихъ поръ не доставало въ собраніи сочиненій Пушкина. Они останутся памятникомъ литературныхъ нравовъ его времени и свидѣтельствомъ веселаго и остроумнаго полемическаго таланта поэта. Въ послѣднемъ отношеніи нельзя не любоваться статьями Пушкина, писанными имъ подъ именемъ Теофилакта Косичкина.

Среди статей чисто-литературнаго содержанія, отрывковъ, начатыхъ повѣстей и романовъ, помѣщены, между прочимъ, «Отрывки изъ романа въ письмахъ», о существованіи которыхъ издатель упоминалъ въ матеріалахъ для біографіи поэта. Въ десяти письмахъ обозначены уже главные черты лицъ романа. Изъ нихъ привлекаетъ къ себѣ особенное участіе и вниманіе читателя умная и страстная воспитанница одного богатаго дома, ведущая переписку съ своею свѣтскою пріятельницею. Въ замѣчаніяхъ и сужденіяхъ двухъ подругъ по поводу самыхъ обыкновенныхъ отношеній и предметовъ, выражаются всѣ тонкія отличія и отбѣнки ихъ характеровъ. Еслибъ романъ былъ оконченъ, то въ лицѣ воспитанницы богатаго дома, Пушкинъ оставилъ бы намъ такой же полный и прелестный образъ русской женщины, какой созданъ имъ въ лицѣ Татьяны. Русскія свѣтскія женщины и деревенскія барышни, выросшія, какъ говоритъ одинъ изъ героевъ начатаго романа, подъ яблонями, воспитанныя между скирдами, природой и нянюшками, являлись въ созданіяхъ поэта со всѣми признаками лицъ, дѣйствительно встрѣчающихся въ русскомъ обществѣ, но не лишались у него ни ума, ни сердца, ни граціи и красоты; при нѣкоторыхъ характеристическихъ особенностяхъ и недостаткахъ, сохраняли человѣческое достоинство, не представлялись уродливыми исключеніями изъ цивилизованнаго рода человѣческаго; и однакожь Татьяна, Ольга и женщины неоконченнаго Пушкинымъ романа такіе живые, знакомые, такіе вѣрные русской жизни образы! Отчего же дѣятели современной намъ литературы, за немногими исключеніями, ограничиваютъ характеристику изображаемыхъ ими женщинъ круглыми формами,

молочнымъ или румянымъ цвѣтомъ лица, покрывающимися масломъ глазами и кривыми линиями фигуръ? И во всѣхъ этихъ лицахъ ничего женственнаго, ничего человѣческаго — одни грязныя привычки, циническія рѣчи и животныя инстинкты! Жизнь ли не представляетъ авторамъ другихъ образовъ, или вина здѣсь на сторонѣ самихъ авторовъ? Въ недостаткахъ литературы болѣе или менѣе бываетъ виновато и само общество; но все грязное, бессмысленное и дикое въ послѣднемъ ярко освѣщается или устраняется не тѣми писателями, которые стоятъ наравнѣ съ нимъ, но тѣми, которые выше или впереди, которые своими произведеніями не повторяютъ только все дикое, чтѣ встрѣчается въ обществѣ, но вносятъ въ послѣднее живительную мысль, благородное стремленіе, или увлекаютъ его образами, запечатлѣнными внутреннею красотою и достоинствомъ человѣка.

Горе той литературѣ, задача которой ограничивается только копировкой и вѣрнымъ отраженіемъ грязныхъ или нелѣпыхъ явленій жизни. Самое полемическое и отрицательное ея направленіе теряетъ свой смыслъ, не имѣя внѣ себя и впереди достойной цѣли. Содержаніе ея измельчаетъ и унижаетъ до праздныхъ сплетней; она станетъ безплодна и утратитъ благотворную власть надъ обществомъ. Если на долю писателя, вслѣдствіе особенности его таланта, или условій времени и даннаго общества, и выпадутъ изображенія искаженнаго быта людей, печальныхъ, мелкихъ и грязныхъ явленій жизни, то все же необходимо при этомъ беречь въ читателѣ живое чувство того, что самъ писатель стоитъ не подъ однимъ уровнемъ съ изображаемыми имъ предметами. Отношеніе писателя къ подобному содержанію его произведеній должно чувствоваться въ способѣ представленія, а этотъ способъ почерпается писателемъ уже не изъ однихъ только изображаемыхъ предметовъ, но зависитъ отъ свойствъ его личности, отъ характера его ощущеній и понятій, отъ степени его нравственнаго развитія и образованности. Человѣкъ развитой и человѣкъ грубый могутъ говорить объ однихъ и тѣхъ же предметахъ, но, конечно, оба будутъ говорить о нихъ иначе. Пушкинъ, папримѣръ, и Грибоевъ не избѣгали реальныхъ изображеній житейскаго: но кто не чувствуетъ разницы въ способѣ ихъ изображенія съ тѣмъ

способомъ, котораго держится большинство современныхъ писателей? Извѣстна высокая образованность Пушкина, который не ограничивался изученіемъ роднаго быта и знаніемъ отечественной современности, но до конца дней воспитывалъ свою мысль, свои понятія и вкусъ разнообразнымъ чтеніемъ и изученіемъ произведеній иностранныхъ литературъ. Писатель высокаго умственнаго и эстетическаго образованія, онъ изображалъ предметы вседневной и дѣйствительной жизни, угадывая ихъ существенныя, необходимыя и характеристическія черты, и тѣмъ самымъ изображенія его уже получали значеніе живой мысли, а не были отраженіемъ всего случайнаго, отрывочнаго или незначащаго; въ изображеніяхъ такого писателя не могло быть жеманной скромности, pruderie, но не могла выказываться и любовь къ грязнымъ образамъ. Многому остается учиться у Пушкина большинству современныхъ литераторовъ и, между прочимъ, взыскательности относительно собственныхъ произведеній и труду надъ ними. Біографъ Пушкина указалъ, какъ поэтъ руководствовался въ процессѣ творчества столько же вдохновеніемъ, сколько и сознаніемъ, какъ онъ умѣлъ видѣть и исключать въ цѣломъ своихъ произведеній все лишнее, неправильное, случайное, даже если оно было удачно и имѣло достоинство само по себѣ. Пушкинъ смотрѣлъ строго на призваніе и подвигъ писателя, и нелегкимъ былъ для него этотъ подвигъ! Дѣятельность и жизнь его протекли не въ мирѣ и покоѣ, не безъ вѣнчанія терніемъ. Первые годы молодости поэта прожиты имъ въ удаленіи отъ родины, отъ близкихъ и друзей; его поэтическая дѣятельность сопровождалась дикими порицаніями, невѣжественнымъ судомъ и нерѣдко такими же нерадостными для поэта похвалами и одобреніями; клевета и зависть отравили послѣдніе дни его и прервали творческую дѣятельность во всей ея красѣ и силѣ.... Недавно случилось намъ видѣть сюртукъ Пушкина съ запекшеюся кровью поэта и съ маленькимъ отверстіемъ, прорѣзаннымъ пулею, въ одной изъ фалдъ. Долго мы не могли освободиться отъ впечатлѣнія, произведеннаго на насъ кровавымъ свидѣтельствомъ безвременнаго конца благородной жертвы зависти, сплетней, невѣжественной неспособности цѣнить великое. Мы припоминали жизнь Пушкина, мы думали о смыслѣ его дѣятельности.... такъ ли живутъ и кончаютъ

свое поприще, думали мы, счастливые и мирные поэты-художники, жрецы чистаго искусства, не рожденные для житейских волненій и битвъ?

П. В. Анненковъ положилъ первыя прочныя основанія біографіи Пушкина, онъ сдѣлалъ все, что было въ его власти, все, что могъ онъ сдѣлать въ данное время и при данныхъ матеріалахъ, указаніяхъ и свѣдѣніяхъ о поэтѣ. Но сколько вопросовъ относительно дѣятельности и жизни Пушкина, пробуждаетъ біографъ прекраснымъ трудомъ своимъ, вопросовъ, на которые до сихъ поръ не можетъ быть отвѣта! Личность, жизнь и дѣятельность нашего поэта будутъ тогда только вполне ясны и вполне понятны, когда всѣ подробности, касающіяся ихъ, будутъ обнародованы тѣми, кто имѣетъ на это возможность и право. Пора являться въ печати подлиннымъ письмамъ Пушкина, подробнымъ замѣткамъ и воспоминапіямъ о немъ и обо всѣхъ обстоятельствахъ его жизни, со стороны лицъ, имѣющихъ что-либо сообщить въ этомъ отношеніи. Это—долгъ послѣднихъ русской литературѣ и русскому обществу. Выскажемъ желаніе, чтобы срокъ уплаты по этому долгу не отдалялся произвольно на неопредѣленные времена.

Въ концѣ седьмого и послѣдняго тома сочиненій Пушкина приложены издателемъ алфавитные указатели стихотворныхъ и прозаическихъ произведеній, а также подробный указатель къ матеріаламъ для біографіи Пушкина, помѣщеннымъ въ первомъ томѣ изданія. Все это сдѣлано съ такою тщательностію и представляетъ читателю такія удобства, къ которымъ мы до сихъ поръ не приучены русскими изданіями.

А. Станкевичъ.
